

ЮРИЙ ЕГОРОВ

ЦВЕТОЧНИЦА И ПТИЦЕЛОВ

Сказки

12+

Юрий Егоров

Цветочница и пtiцелов

«Автор»

2022

Егоров Ю.

Цветочница и птицелов / Ю. Егоров — «Автор», 2022

Сказки Юрия Егорова необычны. Для русского читателя — даже экзотичны, поскольку их сюжет развивается в условиях европейского колорита. Жанрово они приближаются к легендам и сказаниям с элементами волшебства, открывая мир загадочного и необъяснимого. Порой шуточный и ироничный тон не отменяет серьёзности вопросов, которые автор поднимает в книге и на которые пытается дать актуальные ответы.

© Егоров Ю., 2022

© Автор, 2022

Юрий Егоров
Цветочница и пtiцелов

– А, это ты?! – воскликнула Амалия, увидев брата в дверях цветочной лавки. – Давно не виделись!

– Лет пятьдесят или около того, – ответил гость с иронической улыбкой и поставил у входа две небольшие птичьи клетки.

– Знаешь, Альфред, в этом городе тебе делать нечего, – в голосе женщины отчётливо слышались игривые нотки. – Или, скажешь, просто захотел меня навестить?

– Полагаю, ты не поверишь, но это действительно так. Вообще-то я здесь проездом. Вот и решил, почему бы не повидать сестру.

– О твоих делах я наслышана. В Понтиклане собрал богатый улов, – Амалия глазами показала на клетки. – Ловишь на любимые наживки? Кто там у тебя сейчас сидит – какой-нибудь бургомистр или ростовщик?

– Обычный скворец.

– А кем он был раньше?

Птицелов ухмыльнулся.

– Ты тоже зря время не теряешь. Город по-настоящему красив. Если я когда-нибудь тебя потеряю, то найти не составит труда. Помогут цветы. Кстати, с каждым разом они получаются всё более изящными. Ты всегда отличалась безграничной фантазией. Вот эти, что на окне, – какие чудесные примулы!

– Альфред, это орхидеи! И фантазия здесь ни при чём. Весь секрет – в любви.

– И что, здесь сильно изменились нравы?

– Конечно! Просто в этом деле требуется терпение.

– Лет триста, не иначе!

– Так ты хочешь продолжить наш спор? Всё же я права: ты появился не случайно.

– Повторяю, здесь я действительно лишь транзитный пассажир. Впрочем, почему бы не совместить приятное с полезным. В прошлый раз мы не закончили...

– В этом городе в самом деле хорошие, милые люди. Видел бы, что тут происходило раньше. Эпидемии, дикие нравы, толпы бродяг и нищих. А сейчас!

– Теперь всё утопает в цветах, плодах твоего труда.

– Не только моего, если ты присмотришься.

– Представлю на минуту, что ты по каким-то причинам покидаешь сей идиллический город. Ароматы испаряются, и все твои очаровашки снова принимаются грабить и убивать, и благоденствия как не бывало. Всё быстро погружается обратно во мрак.

– Едва ли. Люди здесь тоже изменились. И дело вовсе не в ароматах.

– Как знать... Конечно же, в твоём городе нет бедных, фабриканты щедры, а городские правители не воруют. Ангелы, а не люди!

– Здесь есть бедные. Но не всё так фатально, как ты представляешь.

– Посмотрим. В смысле – не уверен.

– Предлагаешь скрестить шпаги?

– Тебе, как человеку доброму, не следует меня дразнить. Не буду я трогать ваших правителей и ростовщиков. Хватит с меня забот в Понтиклане. Может, угостишь чашкой кофе?

– Вижу, ты стареешь. Раньше был другим.

– Сразу заводился! Милая Амалия, нам с тобой неведома старость. Разве лет через тысячу. Вот ты помнишь своё детство?

В ответ цветочница отрицательно покачала головой.

– Видишь... Конечно, всегда есть соблазн посмотреть, что прячется за красивой обёрткой... Только в мире так много городов, где вообще нет цветов.

– Это печально.

– Не расстраивайся, ты честно выполняешь свою миссию.

Она подала кофе.

Весь вечер они болтали о цветах и птицах, прошлых городах и странах, где им пришлось работать. Потом Альфред уехал, не сказав куда. Впрочем, Амалия всё равно узнает.

Свой спор они так и не закончили...

Великий

*Для всех людей один хозяин – вечный и данный им закон,
Который нам даёт надежду на спасенье,
Ты только помни об одном:
Заблудших он тогда выводит на дорогу,
Когда в усердии и доброте весь смысл служенья Богу.*

1.

Когда-то давно правил Веранией, небольшой страной на Балтии, жестокий герцог Отто, прозванный в народе Справедливым. И имелся у герцога сын Якоб – образованный добрый юноша, и внешне очень даже приятный, высокий, стройный с красивым лицом. Другой родитель гордился бы таким отпрыском, но Отто Справедливый отправил сына в изгнание – подальше от столицы на небольшой безлюдный остров Ругия. Дело в том, что юный наследник не разделял взглядов отца на правление страной, которая была полностью разорена и непрерывно вела изнурительные войны со всеми соседями. Народ Верании отличался невежеством и бедностью, а правитель Отто по всей Балтии обрёл славу благодаря жутким жестокостям и всевозможным причудам. Каждый божий день по стране оглашались новые законы с самыми невероятными запретами, числа которых никто не знал. Подданным Верании запрещалось громко разговаривать и петь, спать днём, ходить на четвереньках, передразнивать животных, смеяться над работой, говорить иносказательно, хотя, что это означало, никто не понимал, обсуждать чужих жён, размахивать руками, собирать грибы, зевать и ковыряться в носу, носить деревянные башмаки, возражать собеседникам, особенно старшим по званию и возрасту, пить чёрную воду, нюхать табак, поминать имя Божье всуе, просить денег взаймы, гадать на картах, да разве всё припомнишь! Даже просто молча стоять на Соборной площади Арконы нельзя было без разрешения строгого бургомистра Норманса. Проще сказать, что разрешалось: слушать начальников, работать в усердии и тихо сидеть по домам.

При постоянных войнах денег казне не хватало. Поэтому по дорогам страны рыскали сборщики податей, забирая у жителей Верании всё, что найдут. Непокорных наказывали нещадно. За малейшую провинность прилюдно пороли розгами. Художники и музыканты, чьи творения не пришлись по вкусу герцогу, томились в темницах. Ремесленников и торговцев правитель Отто, если те ему должным образом не угодили своими товарами, осуждал за мошенничество. Бывало так, что герцог сам обходил торговые ряды на рыночной площади и устанавливал, как ему казалось, правильные цены. Ростовщики, торговцы, мастеровые убегали из страны и искали спасенья на чужбине.

Чтобы как-то развлечь народ, Отто Справедливый проводил рыцарские парады. Несколько раз в году со всей Верании в столицу съезжались военные. При большом стечении публики, с развёрнутыми знамёнами и с грозным оружием в руках солдаты и офицеры в начищенном до блеска старом рыцарском облачении стройными рядами маршировали по центральным площадям и улицам Арконы. А под конец все в восторженном ликовании выкрикивали: «Слава великому герцогу Отто Справедливому!»

Да, да! Герцога именно так и называли: Справедливым. Этим прозвищем правитель Отто наградил себя сам, хотя в этом никогда не признавался. Герцог страшно негодовал, если кто-то вдруг забывал именовать его подобным образом. Это могли принять за бунт. По всей стране герцогу ставили помпезные памятники как мудрому и незаурядному правителю. И нищий народ его боготворил.

Сын герцога, вопреки тому, что предписывали законы Верании, не соглашался с отцом. Юноше не нравились нелепые порядки, насаждаемые в стране. Он не мог понять, за какие такие преступления сажают в тюрьмы музыкантов и художников? Почему жителям страны

нельзя гадать на картах или нюхать табак? И зачем его отцу, герцогу, лезть в дела ремесленников и торговцев? Якобу надоели бесконечные публичные экзекуции, которым подвергали не только мужчин, но даже женщин и детей. Он полагал, что охота на ведьм, которую вела по всей стране церковь, – от невежества. И что хорошего в том, что умелые и предприимчивые люди бегут из страны? Герцог пытался объяснить сыну, что он по молодости ничего не понимает, но всё тщетно. Вот поэтому Отто Справедливый и отправил Якоба подальше от столицы страны. Он полагал, что сын со временем повзрослеет, образумится и изменит свои взгляды на жизнь.

На Ругии Якоб поселился в уютном домике в тихом месте на берегу живописного залива вместе с другом Йенсом. Герцог обеспечивал юношей всем необходимым для спокойной благополучной жизни. К ним приставили несколько слуг и охрану.

Всё своё время сын герцога проводил в прогулках по буковым аллеям острова, за чтением учёных книг и в беседах с другом, не будь которого рядом, жизнь на острове оказалась бы совершенно скучной. Йенса отличали ум и изобретательность. Он обладал даром мастерить различные механизмы и приспособления. Вместе друзья поднимались на вершину горы Холдор, смотрели в сторону Верании и любили фантазировать о различных замечательных проектах: как мостом соединить Ругию с большой землёй, построить по всей стране ровные широкие дороги, сконструировать подводные корабли и воздухоплавательные аппараты. Но больше всего их занимала идея создания механических животных и людей, которые выполняли бы самую сложную и неблагодарную работу. Люди тогда могли бы больше заниматься искусством и наукой. Йенсу даже удалось сделать такую механическую собаку, внешне неуклюжую, но которая при приближении посторонних издавала подобие лая. Прислуга и охранники смеялись при её виде, видимо, забывая, что это строжайше запрещено законами герцога Отто Справедливого. Впрочем, на Ругии наследник установил свои более свободные правила. В этих заботах Якоб и Йенс прожили несколько лет.

– Знаешь, Йенс, когда рано или поздно я получу власть, то постараюсь всё изменить и превратить Веранию в процветающую страну, – обещал Якоб.

– Я верю, ты станешь великим правителем! – отвечал Йенс.

И вот Отто Справедливый, сумасбродный правитель Верании, умирает. Смерть герцога оказалась совершенно нелепой. В самом начале зимы он заболел обыкновенной ангиной, только в Арконе не нашлось врача. За месяц до этого местные церковники изгнали всех лекарей, которых обвинили в чёрной магии. Поддержать слабейшего больного призвали богомольцев. Но как они ни причитали, это не помогло излечить могущественного правителя. Так вот и умер Отто Справедливый в расцвете сил и на пике своей государственной деятельности от самой простой болезни. После случившегося Якоба пригласили в столицу и короновали. Вместе с новоиспечённым герцогом в Аркону переехал и Йенс.

Друзья сразу с энтузиазмом взялись за управление страной. Правитель Якоб отменил глупые законы, установленные отцом, прекратил экзекуции, заключил мир с соседями, снизил налоги, освободил из застенков музыкантов и художников. Для лучшего управления в Арконе избрали городское собрание. В стране начинают строиться дороги и мосты. Для сообщения столицы с отдалёнными городками страны Йенс задумал соорудить огромный дирижабль. В Арконе открыли техническую школу. По всей Европе разослали приглашения знаменитым учёным для первого в Верании университета.

Только чем больше молодой герцог делал для будущего процветания страны, тем отчётливей понимал, что народ воспринимает все новшества враждебно, а его самого всё больше ненавидят. Государственная казна быстро опустела, стройки пришлось остановить, армия разбежалась, север страны захватили коварные датчане, в чьих рядах обнаружилось многие приближённые старого герцога, в лесах у столицы объявились разбойники. Отпущенные на свободу музыканты и певцы стали прославлять Отто Справедливого и насмехаться над его сыном, правителем Якобом, которого называли слабым и глупым. В избранном городском собрании

Арконы развязали языки болтуны и демагоги. Даже самая близкая прислуга герцога Якоба оказалась вовлечённой в воровство и предательство. Во время одного из выездов на городскую ярмарку в охрану герцога полетели камни.

Большие надежды молодой герцог возлагал на проекты Йенса. Тот много работал над созданием дирижабля, но первый же его полёт окончился неудачно: летательный аппарат, едва поднявшись в воздух, на потеху собравшимся зевакам, рухнул в болото на окраине столицы. Остов дирижабля, торчавший из грязной жижи, стал предметом насмешек горожан над герцогом Якобом и его правлением. И достать аппарат из болота оказалось невозможно.

– Послушай, Якоб, тебе не кажется, что мы совершили ошибку? – спросил друга озадаченный Йенс.

– Что-то говорит мне, что ты прав, – согласился молодой герцог.

Вот и получилось, что Якоб быстро разочаровался в своих начинаниях. Веранский реформатор всё чаще стал впадать в уныние и вспоминать предостережения отца.

Однажды в замок к герцогу пришли для важного разговора члены Конвента Верании, как никогда серьёзные и решительные.

– Страна стоит на грани гибели, – обратился к молодому герцогу бургомистр Норманс. – Надо возвращать прежние порядки, иначе в нашей стране разразится бунт. Мы не сможем защитить вас от гнева народа. Ваш отец был великим правителем. Он знал, как следует управлять Веранией.

Члены Конвента единодушно горячо поддержали бургомистра.

– Я не могу этого сделать и никогда не соглашусь с этим, – спокойным голосом отвечал герцог Якоб. – Если вы действительно бессильны защитить меня, то я готов отказаться от власти.

– Это также невозможно, – возразил Норманс, – страна не может лишиться законного правителя, а наследника у вас нет. Вы должны решиться: или все будет как прежде, при вашем отце, или неминуемая смерть, третьего не дано.

– Хорошо, я подумаю, – пообещал Конвенту герцог Якоб.

Восстанавливать прежние порядки молодой герцог не захотел. И остаться на престоле не мог. Якоб попросил друга соорудить механическую куклу.

– Понимаешь, Йенс, нужно, чтобы кукла была хоть как-то на меня похожа. Пусть даже отдалённо. Такая, которая могла хотя бы немного говорить и двигаться.

– Мои опыты только в самом начале, и не обещаю, что получится хорошо, но всё же постараюсь, – пообещал Йенс.

Через несколько дней в разных частях страны начались беспорядки. Городское собрание Арконы объявило Якоба «ненастоящим» правителем, поскольку разрушаются основы государства, созданные прежним правителем. Разве мог бы «настоящий» герцог пойти против воли своего отца?

Охрана замка едва сдерживала натиск толпы. Негодующие крики были хорошо слышны в замке, когда Йенс представил другу свою работу. Кукла получилась плохо похожей на герцога Якоба и совершенно не могла ходить. К тому же она знала всего несколько слов: «я думаю», «посмотрим», «наказать», «благо Верании», «во имя народа» и тому подобное. Рта кукла не открывала, глухой голос шёл откуда-то изнутри из какого-то скрытого механизма, но зато могла шевелить руками и качать головой. При всех этих недостатках молодой герцог остался доволен работой друга.

Куклу хорошенько привязали к трону, чтобы она ненароком не упала, а Якоб стал поспешно готовиться к отъезду. Он решил тайно покинуть страну. Зря говорил Норманс, что третьего не дано. Уже перед самым побегом Якоб предложил Йенсу последовать за ним.

– Подумай, зачем нам всё это нужно? Мы пытались изменить страну, но никто из Конвента нас не поддержал. Бургомистр говорит о благе народа, но что для этого сделал? Всё время

занимался интригами? Его волнует только личное благополучие и больше ничего. А Конвент всё время разглагольствует о том, как хорошо им было прежде. Это сборище бездарей и бездельников. Мы дали свободу музыкантам и художникам, и чем они нам отплатили? Поют про нас похабные частушки. Вернули в страну ремесленников, но даже они нас не поддерживают, ни одного шиллинга не дали на строительство дорог. Тогда пусть без меня решают, как им жить. Хотят как при отце – это их воля. Я пленником в бездействии много лет прожил на Ругии не для того, чтобы сейчас, заточённым в крепость, смотреть, как рушатся мои идеалы.

– В тебе говорит обида. Ты имеешь право...

– Знаешь, друг, всё намного сложнее. На что и на кого обижаться? Чтобы сделать то, о чём мы с тобой мечтали на Ругии, надо через многое переступить, заплатить высокую цену. Может, слишком высокую. Неподъёмную для Верании. Это не способен сделать ни я, ни мой народ. Должна быть сила гения, а этого фатально нет. Именно поэтому я покидаю страну и приглашаю тебя последовать за мной.

– Даже в самых сложных ситуациях правитель не должен бросать свой народ. Ты не боишься обвинений в трусости?

Якоб молчал.

– Я не смогу составить тебе компанию, – продолжил Йенс. – Моя лучшая работа... в тронном зале. Да, пока несовершенна, но это сейчас... Я её обязательно переделаю, так что она сможет разговаривать и двигаться, пусть даже совсем примитивно. Если сделать лучше, то, может, и вправду она сможет умело управлять страной. Будущее принадлежит технике, я в этом несколько не сомневаюсь. У меня больше никогда не будет такого шанса, как сейчас. Я создам совершенного механического правителя, который будет принимать решения с математической точностью и станет великим!

Той ночью герцог Якоб покинул пределы Верании...

2.

Оставив престол, Якоб предпочёл похоронить прошлое, взял себе новое имя – Холдор и отправился путешествовать по миру. Он объехал всю Европу, побывал в Новой Англии, Бразилии, Индии и даже на Молуккских островах. Во Франции познакомился с Пьером Ферма, знаменитым юристом и математиком. В Кракове гостил у Яна Брожека, выдающегося богослова, астронома и медика. Известный итальянский живописец Джованни Мартинелли, подружившись с Холдором, поместил его портрет на свою известную картину «Пир Валтасара».

В составе экспедиции Абея Тасмана Холдору довелось открывать в Тихом океане новые земли. Во время высадки на островах Фиджи на экипаж Тасмана внезапно напали дикари-канибалы. Холдор показал завидную выдержку и храбрость, защитив капитана. За этот поступок Холдор получил орден, а голландское адмиралтейство пожаловало ему офицерское звание.

Повсюду он снискал славу человека предприимчивого и талантливого. В Роттердаме строил новые корабли, на Ямайке разбивал плантации, в Бомбее участвовал в открытии первой в Индии обсерватории, а в Кейптауне собрал первую в Южной Африке театральную труппу. Добрую память Холдор оставил о себе, находясь на посту губернатора Нового Амстердама. Он пригласил способных европейских архитекторов, грамотно спланировал город, отстроил его центр, наладил водоснабжение и канализацию, открыл новый порт, установил справедливое судопроизводство. Под своим новым именем бывший герцог издал в Америке популярную книгу о рациональном управлении домашней экономией, значение которой отмечал сам Томас Гоббс!

Много, много полезных дел совершил этот человек в своей жизни. Все годы странствий Холдор ничего не слышал о родине. Новые проекты так увлекли его, что он очень редко вспо-

минал прежнюю жизнь, события далёкой молодости. К тому же можно предположить, что эти воспоминания не были для него приятными.

Неутомимая энергия гнала Холдора всё дальше от Европы. Последние годы жизни он в должном почёте и уважении провёл в Южной Америке, в Буэнос-Айресе. Холдор учредил первый в городе коммерческий банк и построил лучшее поместье во всех владениях испанской короны этой части света. Ещё на берегу залива Ла-Плата открыл великолепный ботанический сад. В Буэнос-Айресе Холдор женился на красавице Марии, дочери испанского наместника Аргентины, постиг радость рождения сына, которого назвал Абелем, в память о своём друге, легендарном капитане. Дом Холдора имел репутацию самого гостеприимного в городе. В нём на организованных супругами музыкальных вечерах и спектаклях присутствовала вся местная знать. Мария открыла художественную школу. При покровительстве Холдора в Буэнос-Айресе стал проводиться карнавал. Нет, в самом деле, во всём Новом Свете невозможно было найти более красивой пары! Супруги боготворили друг друга. Своего сына Холдор воспитывал в труде и испытаниях и сделал из него своего самого близкого единомышленника.

Обрётённое семейное счастье не изменило Холдора. Он продолжал вести подвижнический образ жизни, пока во время одной из исследовательских экспедиций в Анды его не пронзили отравленные стрелы беглых рабов. Смертельно раненного Холдора привезли в Буэнос-Айрес. Грустная новость молниеносно облетела весь город. Скорбь охватила всех без исключения жителей города...

Он умирал долго в тяжёлых муках. Холдора пытались спасти лучшие лекари, которые специально по просьбе аргентинского наместника прибыли из соседних испанских владений – Чили и Перу. Португальский генерал-губернатор, из уважения, чтобы облегчить страдания умирающего, отправил к нему из Рио-де-Жанейро своего личного врача.

– В своей жизни я познал любовь близких мне людей – жены и сына. Повидал мир. Сделал многое, чем могу гордиться и что ещё долго будет памятью обо мне. Даже тяжкая смерть не может ничего изменить. До последнего вздоха я остаюсь счастливым человеком, – таковы были его последние слова...

И никто так и не узнал тайну этого удивительного человека.

3.

Абель не уронил репутации отца. Образованный и порядочный, он стал блестящим дипломатом, одним из лучших в испанском королевстве. С прекрасными рекомендациями от весьма влиятельных людей Абель вместе с матерью переехал в Мадрид и служил при дворе короля Карла II Околдованного. И хотя Абель был довольно молодым, монарх доверял ему и поручал самые деликатные ответственные дела. Одно из таких дел однажды привело Абеля в Веранию.

Непрекращающиеся войны совсем истощили маленькие балтийские государства. Крупные европейские державы при благословении Папы Римского решили вмешаться и навести порядок. Испанскому королю доверили роль авторитетного посредника. Болезненный Карл II поручил Абелью, в качестве своего личного посланника, встретиться с герцогом Верании и склонить того к заключению мира с соседями. Многие государственные вельможи в Мадриде считали подобную миссию сверхсложной и крайне опасной, а в том, что её поручили Абелью, видели происки королевских интриганов.

Молодой испанский посланник въехал в Веранию со стороны Полонии. К столице герцогства Арконе вела новая, но довольно небрежно вымощенная дорога. Из-за этого ехали медленно. Уже на полпути карету пришлось ремонтировать. Несколько раз делегацию останавливали военные патрули и тщательно обыскивали. Столица оказалась небольшим городком, с

немноголюдными улицами и вполне аккуратными скромненькими домами. На площадях выделялись помпезные памятники.

В замке ерцога визит испанского посланника был ожидаем. Абеля приняли хотя и настороженно, но вполне гостеприимно. Ему выделили сопровождающего, млажавого офицера-гвардейца Михеля, и поселили в лучшей гостинице в самом центре столицы, где он оказался единственным постояльцем. Может, поэтому апартаменты и кухня выглядели просто королевскими. Только что служанка в гостинице оказалась немолодой и не слишком приветливой.

Аудиенции у правителя пришлось ждать больше недели. Каждый день Абель ходил в крепость, где располагалась резиденция герцога. Дипломата с почестями принимали разные вельможи – генералы и министры, которые каждый раз внимательно его выслушивали. Они кивали головами и обещали скорейшим образом доложить герцогу миссии Абеля. Но дальше ничего не происходило. Правитель Верании из-за неотложных дел и внезапных поездок по стране не находил времени для аудиенции. Абель постоянно с кем-то встречался, и каждый день проходил впустую для его важной миссии.

По вечерам испанский посланник скучал. За время пребывания в Арконе он составил мнение, что жители города преимущественно бедные люди. Они не отличались трудолюбием и не умели веселиться. На городских площадях невозможно было встретить музыкантов или артистов. Зато повсюду попадались охранники и военные. Также оказалось, что в Арконе мало трактиров. Все они маленькие, с нерасторопной прислугой и довольно простой пищей. Да и закрывались рано. Едва начинало темнеть, как столица словно вымирала, погружаясь во мрак. Фонари горели тускло, так что заблудиться не составляло труда.

Однажды у входа в гостиницу к Абелю подошла маленькая оборвашка.

– Помогите чем можете. У нас здесь плохо, – прошептала девочка, протянув ручонку.

Увидев эту картину, тотчас из гостиницы выскочила служанка и наотмашь ударила нищенку по щеке. Девочка отбежала на другую сторону улицы.

– Будешь знать, как попрошайничать! – гневно крикнула женщина в её сторону, погрозив кулаком. Потом, повернувшись к Абелю извинилась: – Простите, господин посланник. Нищие встречаются во всех странах.

Абелю сцена не понравилась. Он подошёл к девочке, вытер ей слёзы, а потом положил в детскую ручку большой серебряный шиллинг.

– Не надо так. Это – ребёнок, – сделал он замечание служанке, вернувшись в гостиницу.

– Простите, господин посланник, – повторила женщина заискивающим тоном, – сейчас вы одарили одну девочку, а завтра к гостинице таких придёт сто... Может, даже больше. У нас бедная страна. Вы же ничего здесь не видите.

– Возможно, – согласился Абель, – и всё же я вас прошу больше так не делать. Вы же христианский народ.

– Это мы-то – христианский? – хмыкнула служанка. – Знали бы вы, что они вытворяют! Им только дураки верят, благо их у нас много. Глаза-то не видят. Они – стеклянные. И сам он...

Женщина с опаской посмотрела на дверь и замолчала...

Наконец настал день, когда Абелю объявили, что герцог согласился его принять. В назначенное время, как и было оговорено – ранним утром, Абель явился в крепость. В приёмной герцога сообщили, что аудиенция вот-вот начнётся, и попросили немного подождать. Миновал час. Потом другой. Он уже устал ждать, но аудиенция всё никак не начиналась. Всё это время Абель отчётливо слышал за дверью странные шорохи и голоса...

Герцог соблаговолил выслушать Абеля ближе к ночи. Разговор длился несколько минут и происходил в присутствии важных вельмож весьма солидного возраста с расплывчатыми лицами, членов Конвента. Приём устроили так, что Абель находился на почтенном расстоянии от герцога, который восседал на троне. Из-за плохого освещения зала лицо герцога рассмотреть

было трудно. Оно показалось каким-то неправильным, нелепым, словно искусственным. Абель огласил послание испанского короля. Герцог молчал, лишь изредка шевелил руками и чуть покачивал головой. Наконец сказал что-то неразборчиво каким-то странным, словно механическим, голосом, и самый старший член Конвента объявил Абелью, что аудиенция окончена.

– Что герцог сказал? Я совершенно не расслышал, – переспросил его Абель.

– Герцог объявил, что подумает над вашей просьбой, – ответил старец.

– Простите, сколько лет вашему герцогу?

– Согласно нашим традициям, подобными вещами не следует интересоваться.

– Когда же я получу ответ на послание?

– Я полагаю, вы его уже получили. Вам, господин посланник испанского короля, лучше уезжать. Ваша миссия закончена...

Утром начали готовиться к отъезду. Абель в последний раз в сопровождении Михеля решил прогуляться по городу. На большой площади остановились у большого памятника. На постаменте стояла статуя высокого, стройного, красивого человека. Абелью памятник напомнил отца.

– Кто это? – поинтересовался Абель.

– Это наш герцог Якоб. Неужели не узнали? – удивился Михель.

– Надо же, никогда бы не подумал! На встрече в замке ваш правитель мне показался совсем другим.

– Разве? Вы, вероятно, плохо рассмотрели нашего герцога. Памятник очень похож, так что невозможно ошибиться.

– Действительно, я видел его на расстоянии в довольно позднее время. Всё словно в сумерках. А вы сами когда-нибудь видели своего правителя?

– Конечно. Даже дважды. Последний раз – лет восемь назад.

– Вот как? Герцог редко показывается перед подданными?

– Что в этом странного? Наш герцог занят важными делами. Страна большая, может быть, даже самая большая в Европе.

– Вы полагаете?

– Об этом все знают, – Михель был смущен неосведомлённостью дипломата.

– Несомненно, вы правы, – успокоил его Абель.

– У нас многое строится, потом, вот – войны.

– Да, войны... А вот больших строек я, вероятно, просто не заметил. Было слишком мало времени.

– Ну как же, а дорога, по которой вы приехали от границы?

– Ах да, точно. Я совсем забыл. А как близко вы видели своего герцога?

– Кто я такой, чтобы находиться рядом с герцогом? Но всё равно, мне хорошо было видно. Элегантный, красавец. С длинными золотыми волосами. Королевская кровь. Якоб Святой.

– Святой? Вы его так зовёте?

– Чему вы удивляетесь? Раньше правил его отец – Отто Справедливый, уважаемый правитель. Якоб оказался не только святым, но и сильным. – Взгляд Михеля обрёл строгость. – Когда герцог Якоб только взошёл на престол, то из-за плохих советников и заговорщиков в Верании наступил хаос. В это безвременье перестали проводиться наши знаменитые военные парады. Но потом герцог Якоб, несмотря на свою молодость, сумел взять власть в руки, наказал виновных и навёл в стране порядок. Он очень многое сделал для народа. Теперь наши военные парады знает вся Европа! Вы, наверное, тоже наслышаны?

– Я занимаюсь дипломатической работой, и мне совершенно неинтересны военные парады. Скажу вам больше: дипломаты и военные не любят друг друга.

– Необычный вы человек. Первый раз такого встречаю. Ещё несколько лет назад нам разрешили нюхать табак и брать деньги взаймы. По большим праздникам, если не проводятся

парады, на Соборной площади теперь музыканты. Правда, пока их совсем мало, и они не такие хорошие, но всё же. Иногда я прихожу их послушать. Отступников теперь наказывают только по субботам и за городом. Сожжение на костре заменили на гильотину.

– Даже так?! Да у вас просвещённая страна!

– Видите, и вы это признали! – Михель совершенно не уловил сарказма иностранного гостя. – У нас все довольны. Недавно разрешили не соглашаться со своим собеседником, независимо от его возраста и звания. Мы бы жили ещё лучше, если бы не враги... Зато нашего герцога уважают во всём мире. Вот вы приехали с важной миссией. Говорят, что от самого Папы Римского. Конечно, наш правитель – святой. Герцога канонизировала церковь. Мы каждую воскресную службу молимся за его здоровье.

– Скажите, а давно правит ваш герцог?

– Очень давно. Когда он взошёл на престол, мой отец ещё не родился.

– Вот как, а мне он не показался таким старым. Ему должно быть... – Абель попытался сосчитать, но Михель поднёс палец ко рту, показав тем самым, что это не следует обсуждать.

– Наш герцог хорошо выглядит и вполне здоров, поскольку ведёт жизнь праведника, – пояснил Михель. – Ему суждено править очень долго. Может, вечно.

– Вероятно, я, будучи здесь недолго, что-то не понял, – слегка улыбнувшись, попытался оправдаться Абель.

– Да, чуть не забыл: герцог очень скромный! Совершенный аскет!

– Само собой разумеется!

– Он у нас самый лучший! Якоб Святой! Великий правитель! – с воодушевлением произнёс Михель, а потом как-то с недоверием посмотрел на собеседника. – Вы разве не согласны?

– Считайте, что убедили. Потом, действительно, вчера я был просто поражён встречей с герцогом. Она незабываема!

– О нашем герцоге все так говорят!

– Ладно, друг, мне пора уезжать, – Абель по-дружески слегка похлопал Михеля по плечу.

– Счастливой вам дороги, господин посланник! – совершенно казённым голосом произнёс Михель.

– А тебе приятно оставаться! И главное: берегите своего герцога, без него пропадёте!

Быстрым шагом Абель направился к гостинице.

Проводить иностранного гостя вышла служанка гостиницы.

– Это вам, – женщина протянула посланнику свёрток. – Здесь пироги с яблоками. Такие делают только здесь, в Верании. Я их приготовила специально вам, на дорогу. Вы – хороший человек. И не волнуйтесь – я больше не буду никого обижать. Пусть даже потеряю место.

– Спасибо, – то ли за пироги, а может, за последние слова поблагодарил женщину Абель. Он заметил, что служанка не такая злая, как прежде ему казалась. Приятная женщина, вполне даже симпатичная, с добрыми глазами.

– Удачи вам! Будьте осторожны... до границы, – добавила она тихим голосом.

– Нет, это вам – удачи! – ответил Абель. – Это вам следует соблюдать осторожность.

– Да что с нами случится?! Мы сто лет так жили и ещё столько же проживём. Здесь всё неживое. Оно не может измениться. Разве только паричок поправить. Вы понимаете?

Абель утвердительно покачал головой.

– И всё же я верю, что когда-нибудь красивая музыка наполнит ваш город, – сказал он на прощанье.

Женщина только махнула рукой...

Спустя четверть часа карета испанского посланника выехала из Арконы и, покачиваясь из стороны в сторону, нервно застучала колёсами по знаменитой дороге в направлении польской границы...

Эпилог

Через месяц объединённые войска польского и прусского королей вступили на землю Верании. Аркона не продержалась и трёх дней. Бежавшая армия Якоба Святого подожгла столицу, которая выгорела дотла. Теперь даже не найти этого места.

Судьба правителя Верании доподлинно неизвестна. Многие верят, что с верными соратниками он спрятался в лесах и ещё долго боролся с врагами. Память о герцоге Якобе жива по сей день.

1.

Давным-давно жил в городе Штеттин герцог Одо, правитель Померании. Красивый и богатый, а ещё сильный и справедливый. О его подвигах и благодеяниях слагали легенды. Народ считал Одо самым лучшим правителем на свете. И имелось при герцоге большое войско, в котором служили два друга – рыцари Верт и Тимму. Оба родом из Кошлина, маленького городка на востоке провинции. Родители друзей, добрые соседи, всю жизнь прожили между собой в мире и согласии. Их вместе забрал страшный мор, который лет десять назад свирепствовал на Балтии, а Верт и Тимму после этого подались на военную службу. Потом во время кровавых сражений и в тяжёлых походах друзья не раз выручали друг друга так, что другие считали их родными братьями.

Верт был на два года старше Тимму и среди рыцарей пользовался уважением за смелость и честность. В боях он не прятался за спины товарищей, потому имел ранения, которыми гордился как наградами. Во время кровавых баталий Верт всегда находился рядом с герцогом, вёл себя уверенно и находчиво, ревностно следовал рыцарской присяге. Только герцог Одо не обращал на рыцаря Верта никакого внимания. Это было удивительно ещё потому, что Верт обладал запоминающейся внешностью – красивым открытым лицом, высоким ростом и элегантностью. И в отличие от Тимму, коренастого и небольшого, имелось в нём нечто аристократическое, хотя оба друга были простого происхождения. Год проходил за годом, а Верт служил самым обычным рядовым воином. При своей отваге, сообразительности и хорошей военной выучке, Верт оставался бедным рыцарем, без чинов и денег. Единственным, кто его понимал и сочувствовал, был Тимму.

Верт боготворил правителя, безмерно любимого померанским народом. Только вот не везло стране. Несчастье одно за другим обрушивалось на Померанию. Страшное наводнение, мор, неурожай, нападения воинственных соседей преследовали страну. И кто знает, что случилось бы с ней, не будь такого мудрого правителя, герцога Одо, твёрдой рукой спасавшего своё невезучее государство от тяжёлых напастей и злых недругов, которые множились при его правлении год от года.

Вот и в те дни в померанском воинстве случилось страшное предательство. Враги подкупили самых близких к герцогу людей, и те задумали заговор. Главным изменником оказался приближённый к герцогу командир рыцарского воинства Джерт. Некогда удачливый воин, сделавший блестящую карьеру, уважаемый по всей Померании и особенно среди рыцарства, оказался коварным предателем. Прошёл слух, что хитрый заговорщик из корысти, за деньги, помогал язычникам-пруссам, хотя прежде среди рыцарей считался истовым христианином, абсолютным аскетом. На людях, во время вечерних служб в базилике Святого Якуба, куда собиралась вся знать герцогства, Джерт ревностно предавался молитвам, а в действительности оказался вероломным хриstopродавцем. Вероятно, умело притворялся. Предателя схватили перед тем, как он намеревался убить герцога Одо, чтобы лишить Померанию своего главного защитника.

Когда Джерта обвинили в измене, то заключили в штеттинскую крепость, где подвергли страшным нечеловеческим мукам. Во время допросов отступник выдал имена своих сообщников, среди которых оказалось немало уважаемых в воинстве рыцарей. Их всех арестовали, и, по-видимому, изменников также ожидала незавидная участь. Перед смертью командир Джерт принародно признал все свои грехи и покаялся в подлых преступлениях, совершённых против страны и власти, только это не спасло предателя от справедливого гнева герцога Одо, некогда всеми любимого воина колесовали. Когда на глазах восторженной публики предателю железным ломом разбивали [кости](#), а затем его тело привязывали к большому [колесу](#) и устанавливали

колесо на шест, он ревел от ужаса и боли, так что крик слышался во всех частях города. В назидание всем неверным и малодушным.

Лёжа лицом вверх, смотря на небо, Джерт умирал долго. На окровавленное тело опустились чёрные вороны, которые клевали несчастного, завершая мучительную экзекуцию...

На следующий день после этой знаменательной экзекуции командование отправило Верта с важным донесением в крепость Колберг. Хорошо знакомая дорога не предвещала Верту никаких неожиданностей. И все же рыцарь столкнулся с небольшим препятствием, когда предстояло перебраться на другой берег небольшой речушки, протекавшей посреди густого леса. Резвый конь не боялся воды и легко перешёл речку вброд. Но на противоположном берегу реки, на небольшом песчаном откосе, рыцарь Верт увидел немощного старика. По всей видимости, он тоже хотел перейти на другой берег, но не мог сделать это самостоятельно. Старик настолько ослабел, что совершенно не мог двигаться. Он распластался на песке, и только чуть приподнятая голова выдавала в нём жизнь. Положение старика было столь безнадёжным, что казалось, что он вот-вот умрёт. Завидев рыцаря, немощный путник едва заметным движением руки показал на противоположный берег. Верт решил, что тот просит перенести его через реку. Пожалев старого человека, рыцарь выполнил его желание, невольно намочив своё одеяние. Верт раздумывал, что ему делать дальше: нельзя же так просто бросить на дороге умирающего? Рыцарю показалось, что старик вот-вот испустит дух. К тому же, судя по всему, немощный странник направлялся в сторону противоположную той, куда ехал Верт. По-видимому, старик понял нерешительность своего благодетеля.

– Не переживай за меня, рыцарь. Я не так слаб, как это тебе может показаться, – неожиданно произнёс он, собравшись с силами. – Вот увидишь, что мне сразу станет лучше, если позволишь мне отблагодарить тебя.

– Я не сделал ровным счётом ничего для вашей благодарности, – благородно ответил Верт, сделав рукой отрицательный жест.

– Это не так. Не каждый решился бы намочить свою одежду ради никчёмного путника. К тому же старика. До тебя тут были другие. Они даже прикоснуться ко мне побрезговали. А ты... Не смотри, что силы оставили меня. Всё поправимо. Старый человек многое может изменить в твоей жизни, если ты сам этого захочешь.

– Я силен и отважен и ни в чём не нуждаюсь. Тем более в вашей помощи. Вам самому помощь не помешала бы.

– Может, и так, но я вижу, что ты уже не юноша, а до сих пор всего лишь простой рыцарь. Ты думаешь, что силен, но только слепой не увидит, что ты беден. А ещё говоришь, что тебе не нужна помощь! Я, может, и немощен, но не слеп и не глуп.

– Возможно, вы и правы. Только что вы можете мне дать? Вы же не герцог? И совершенно не похожи на богача.

– О нет! Только вот что: тебе дана сила, но что она стоит, если ты не владеешь жизненным секретом? Ты храбр на поле брани, а плоды побед достаются другим. Увы, так всегда бывает. Такие законы людей! Ты рискуешь жизнью, но только дукаты падают в кошельки тех, кто прячется за спинами других, – старик оживился, и стало заметно, что ему уже лучше. – Вот командир Джерт, которого все любили. Вроде получал самые большие награды и почести, был рядом с герцогом, а оказался обычным обманщиком. Теперь его гниющее тело, излучающее зловоние, выставлено на поругание публике на Ратушной площади. Разве я не прав?

Рыцарь заметил, что путнику стало несколько лучше, он не выглядел столь безнадёжно, как это сначала показалось, и даже уже смог привстать. С каждым новым словом его речь звучала всё уверенней.

– И в этом твой секрет, старик? – усмехнулся Верт. – Ты хочешь открыть мне его за ту простую услугу, что я оказал?

– Нет, конечно! – улыбнулся старик.

– Тогда в чём ваш интерес?

– Ты думай про свой интерес, а что касается моего – пусть это останется моей заботой. Вот видишь, мне уже стало лучше. Я ещё немного поговорю с тобой, наберусь сил и смогу подняться. А ты волновался за меня. Тебе стоит подумать о своих проблемах. Чтобы ты сам смог подняться. Смог жить в уважении и достатке, да так, чтобы не бояться, что потом тебя подвергнут смертельной экзекуции и даже мёртвое тело отдадут на поругание воронью и ничтожной публике.

– Но вы получите своё вознаграждение?

– Конечно, но это не твоя забота. Ты мне ничем не будешь обязан и в любое время можешь выйти из игры. Так уже было, но не всегда. Чаще игравший шёл до конца. И был прав.

– Кто ты старик? Как твое имя?

– Я – Вендэль. Маг.

– Маг наделён волшебной силой, а ты немощен.

Едва заметная усмешка скользнула по лицу старика.

– Увы, такое случается не только с простыми людьми, но и с магами, когда они теряют своих учеников. Сила правителя – в народе, а мага – в его учениках. Иногда с ними ошибаешься. Вкладываешь в них душу, а они... Но это поправимо.

– И что я должен делать?

– Ты должен следовать моим советам. Их будет всего четыре. Ты вправе отказаться выполнять советы, но в этом случае придётся заплатить цену.

– Деньги?

– Нет, не деньги. Или не совсем деньги. Всё просто! Ты потеряешь только то, что не заслуживал. Не менее и не более того. Только после выполнения четвёртого совета ты будешь полностью свободен от обязательств и никакие мои советы тебе будут уже не нужны. И что бы дальше с тобой ни происходило, всё, что ты получишь в результате нашей сделки, останется при тебе. Навсегда.

– Но...

– Ты что, боишься? Кто-то говорил, что он сильный? Помоги мне лучше встать. Я уже могу идти. Потихоньку. Не переживай. Я же сказал, что ты можешь отказаться. И терять тебе сейчас нечего. Разве что твои потёртые рыцарские облачения. Поезжай в Колберг. Ты, кажется, туда направляешься? Я и так задержал тебя.

– Мы увидимся?

– Как сказать. Не забивай свою голову вопросами. Думать тебе придётся после, – маг уже собирался идти своей дорогой, как снова повернулся к рыцарю: – Да, вот ещё что. Не стоит о нашей встрече никому рассказывать.

– Ладно, – согласился Верт.

– Даже Тимму.

– Откуда вы...

– Ты, видно, забыл, что я маг, – прервал его старик Вендэль и ещё раз повторил: – Даже Тимму. Поверь, так будет лучше для тебя самого.

Рыцарь Верт сел на коня и продолжил свой путь в Колберг, в котором не задержался и уже к вечеру без происшествий возвратился в Штеттин. Он подумывал, не рассказать ли обо всём Тимму, но всё же решил, что не следует придавать большого значения случившемуся. Мало ли что ему рассказал какой-то немощный старик? И не очень-то он походил на мага.

2.

Прошло больше месяца. Рыцарь Верт продолжал свою обычную службу. Он уже забыл о странной встрече и старике Вендэле, когда в тот вечер его позвали к воротам замка. К своему

немалому удивлению, Верт увидел пожилую странницу. Бедно, но довольно опрятно одетая, женщина, несмотря на свой почтенный возраст, выглядела достаточно крепкой. Поначалу Верт решил, что странница просто ошиблась.

– Я не знаю, кто ты. И мне не нужно этого знать, – вдруг заговорила она, – меня просто просили тебе передать.

– Кто? О чём?

– Завтра, когда герцог выедет в город, к нему бросятся просители, – продолжила странница, проигнорировав вопрос Верта. – Так всегда бывает. Среди просительниц будет одна рыбачка. Ты её сразу узнаешь. Она – нехорошая и станет просить за сына. Может, даже будет рыдать и вызывать жалость. Но это всё обман, и ты должен её ударить кнутом. Не бойся, бей со всей силы. Она того заслуживает.

– Вы, наверное, что-то путаете. Какое ко всему этому я имею отношение и почему должен ударить эту женщину, даже если она и нехорошая, как вы говорите?

– Я ничего не путаю, молодой человек. Вы – рыцарь Верт, и меня просили вам это передать. Что до рыбачки, то её сын – заговорщик. Ей не следует с подобными вопросами надоедать нашему герцогу. Она – плохая мать, воспитавшая плохого сына. Поверьте, эти люди, попади в их руки власть, не остановятся ни перед чем. Им самим неизвестно чувство жалости. Эту женщину следует самому жестоко проучить, а милостивый герцог её пощадил. Как она смеет просить за сына? Вы должны заступиться за герцога и наказать мерзавку, если это не сможет сделать ваш командир...

– Но, нет... Бить женщину? Почему я?

– Потому что это первый совет Вендэля. Так просили меня передать. Больше мне сказать вам нечего, – женщина повернулась и бодрой походкой пошла прочь...

Рыцарь Верт раздумывал. Ударить женщину, просительницу, и лишь за то, что она молит о милосердии к своему сыну? Но ведь сын её – заговорщик, и герцог и без того проявил снисхождение, не покарвав всю проклятую семью, воспитавшую негодяя... Может, не будь этого старика Вендэля, рыцарь Верт и не решился бы на такой поступок, но насколько высока цена этого? Чем он, собственно, рискует?

На следующий день всё случилось так, как рассказала странница. Когда герцог выехал в город, его окружили многочисленные просители и жалобщики. Охрана стала их отодвигать, но одна женщина проявила настойчивость и подбежала к правителю Одо. Оказавшись перед герцогом, просительница протянула к нему руки и стала громко взывать к справедливости, заявляя, что её единственный сын, которого должны казнить, ни в чём не виноват. На лице немолодой женщины читалось отчаяние, а из глаз текли слёзы. Охрана на мгновение растерялась и не знала, что делать. Тогда рыцарь Верт выдвинулся вперёд и заступился за герцога. Он ударил плетью просительницу и крикнул: «Как ты смеешь, негодная, просить нашего герцога за своего сына-изменника!»

Всё это произошло на центральной площади Штеттина в присутствии огромной толпы. Герцог показал своё возмущение жестоким поступком Верта, громко заявив, что, как бы ни была плоха эта женщина, её не следует бить.

– Уберите этого негодяя! – громко крикнул своим охранникам правитель Одо, показывая на Верта, и, обратившись к несчастной просительнице, пообещал обязательно во всём разобраться. Толпа рукоплескала благородству герцога.

Верта оттащили... Этот вечер, удручённый случившимся, он проводил в одиночестве. Рыцарь не понимал, почему всё пошло не так, как ожидалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.